

**Два рассказа Роберта Риделя.
Альманах «Берега», 2014 г.**

Мой отец

Из раннего детства — я в пролётке на кожаном сиденье, рядом отец правит лошадью, цокают копыта, мы куда-то едем. И мне очень нравится сверкающая лаком пролётка, везущая нас статная лошадь, сбруя с металлическими и фарфоровыми бляхами, с кожаными кистями.

Нарядная пролётка принадлежит ангельсской детской больнице, в которой мой отец работает завхозом. У больницы своя конюшня, и «парадный» этот выезд — предмет особой заботы отца.

С лошадьми отец был связан с детства. В Екатериненштадте его отец, мой дед, занимался вывозом на берег леса, сплавленного по Волге; для этого держали лошадей. В семье было семеро детей, шестеро из них – мальчишки. Старшие помогали деду в затоне, младшие, среди них мой отец, занимались лошадьми.

Отцу было семь лет, когда умерла их мать, через полгода не стало и отца. Главой семьи стал старший брат, Александр. Выживали как могли, все работали, кто-то спасался в

Рис. 1. Иван Давыдович Ридель во время службы в армии в артиллерийских войсках. Саратов, 1930 г.

других краях — брат Андрей уехал в Баку, мой отец, уже молодым парнем, в Ташкент, где устроился подмастерьем в колбасную артель. Работали вручную, и у отца с того времени крепкие руки и скрученные бруцеллёзом пальцы.

После смерти родителей об учёбе нечего было и думать, отец только три года проучился в начальной немецкой школе. Но настоящей школой жизни стала для него армия, где он прослужил более пяти лет. В армии он научился, хоть и с акцентом, говорить по-русски и по-русски, тоже «с акцентом», писать. Армейская форма ему нравилась, и годы после армии он всегда ходил в полувоенной гимнастёрке и в галифе, обшитых кожей. Форма приучила его к подтянутости и аккуратности, и таким он оставался все последующие годы.

Ещё в армии отец женился и через год после моего рождения демобилизовался. Стал работать в детской больнице, в одном из её корпусов поселилась наша семья.

Мне было мало лет, и отца того времени я помню отдельными моментами. Как брал с собой, когда ходил по вечерам давать корм лошадям. Запах конюшни, лёгкое ржание лошадей... Как рисовал мне и всегда одно и то же – артиллерийскую пушку со всеми деталями или красивую лошадь. Как дома пели под гитару, отец, обычно, начинал, мама подхватывала. А когда собирались гости, и было застолье, все вместе пели старинные немецкие, иногда русские песни.

Рис. 2. Коллектив детской больницы №3 города Энгельс, 1937 г.
Иван Давыдович Ридель в третьем ряду крайний слева.

Отец всегда интересовался газетами, любил поговорить, поспорить о политике, подчёркивая слова обычным своим жестом — энергичным взмахом ладони.

В конце тридцатых мы переехали в недостроенный наш дом. Отец стал работать инспектором на Республиканской конебазе. Пригодилось знание лошадей, полученное им в детстве и во время службы в артиллерии, которая была тогда на конной тяге. Мама, работавшая до этого в ресторане, стала работать в привокзальном буфете.

Сегодня я могу сказать, что предвоенные годы были самыми счастливыми для нашей семьи. Родители построили дом, осуществили свою мечту, обоим за тридцать — ещё молодые, во дворе бегаю я, первоклассник, все живы и здоровы. Праздничные запахи на кухне, галушки с паслёном...

Но началась война, стали приходиться тревожные сообщения. А потом был августовский указ, телячьи вагоны, долгая дорога в Сибирь... Почему-то запомнилось, как отец как-то сказал маме:

— В каком-то вагоне, говорят, и правительство, эти коммунисты...

В таёжной деревне вместе мы пробыли недолго — отца мобилизовали в трудармию, в лагеря Вятлага, на лесоповал. Он рассказывал — жили в бараках, колючая проволока, охрана с собаками. Тяжёлая работа, плохое питание, болезни косили людей, трупы складывали штабелями, до весны. Угнетало и отношение: «Эй, фрицы!»

Стали срывать планы по заготовке леса, идущего на фанеру для самолётов. Приехали какие-то начальники, сменили лагерное руководство, кого-то, говорят, расстреляли. Условия стали получше, и лес пошёл.

Первые, самые трудные, годы в трудармии отец работал на лесоповале и выжил только потому, что с детства привык к физической работе. А потом он, «городской» и говоривший по-русски, «дослужился» до должности начальника перевалочной базы.

Вслед за отцом в трудармию — куда-то в Бурят-Монголию, тоже на лесоповал — увезли и маму. Мне было десять лет, и я потом скитался по детским домам Сибири и Урала. С мамой я встретился через десять лет, когда она в сопровождении конвоира приехала из Улан-Удэ в Караганду «для воссоединения с сыном».

В Темиртау под Карагандой отец приехал после трудармии (с мамой уже произошёл разрыв, а где находился я, он не знал). Спецкомендатура направила его путевым рабочим, но в этом качестве он проработал недолго. Вспомнив ташкентский опыт, организовал при местной артели колбасный цех (сам сложил коптильню, подобрал оборудование). Цех выпускал колбасу различных сортов, даже деликатесы для начальственных буфетов. Колбаса успешно конкурировала с привозной, карагандинской, и по приказу из области цех закрыли. Отец организовал забойный цех, который также успешно функционировал. А когда открыли филиал Карагандинского мясокомбината, начальником его колбасного цеха назначили отца, практика. Тогда это было не по правилам — отец не был партийным, к тому же немец-спецпереселенец с трёхклассным образованием. Но им понадобился специалист...

Из уральского детского дома я приехал к отцу в конце сороковых. Вместо мамы меня встретила тётя Маруся, теперь моя мачеха. Отец постарел, был с сединой, но подтянут, как и до войны. Правда, одежда была не полувоенной, как раньше, а, скорей, полукавказской, особенно зимой, когда он надевал чёрный полушубок, сшитый по заказу, и каракулеву шапку. Седеющий брюнет, говоривший с акцентом, — его часто

Рис. 3. Иван Давыдович Ридель
(Темиртау, 1958 г.)

принимали за чеченца (в городе тогда их было много) или, по крайней мере, за грека, но уж никак не за немца. Уже потом я узнал, что фамилия Riedel характерна для Баварии и Австрии, а там брюнеты нередки.

Отец всегда был деятельным, пропадал на работе, приходил домой поздно. Но я видел его и мрачным, чем-то расстроенным. Причин было достаточно — контроль спецкомендатуры с её ограничениями и унижительными «отметками», не прекращавшийся шантаж местных «органов», регулярно приходивших к нему в цех за «десятиной» колбасой и мясом (намекая при этом, что они легко, при желании, могут испортить ему жизнь), притеснения властей, закрывавших созданные им производства (как раз при мне закрывали его забойный цех). Он переживал, что не имеет образования, из-за чего его при первой возможности «отодвигали» на работе (хотя рабочую карьеру он закончил всеми уважаемым мастером цеха).

По-русски он говорил нетвёрдо, хотелось поговорить на родном языке, на диалекте. Но удавалось редко, потому что немцы в городе говорили «по-другому», а я, после шести детдомовских лет, был не в счёт. Он всегда сознавал себя как немец Johann Riedel, это имя он получил при рождении, с ним вырос, и уже в армии его записали как Иван Давыдович Ридель. Но для мамы, для наших родных он всегда был Johann.

В городе отца знали, работавшие с ним, хотя и ворчали за его требовательность, но уважали как специалиста и за понимание людей (зная всеобщую бедность, он закрывал глаза на мелкие хищения, продавал им продукцию по себестоимости).

Несколько эпизодов, характеризующих отца тех лет.

* * *

Темиртау, начало пятидесятых. Мы, два студента-горняка и курсант-танкист, приехавшие в Темиртау на каникулы, попали в переплёт – из-за какой-то ссоры нас окружила довольно большая группа агрессивно настроенных парней-чеченцев. И нам бы несдобровать («слава» о чеченцах была известна), когда их главарь вдруг спросил:

— Ты Ридель?

— Я.

Он поднял руку:

— Его отец — друг моего отца!

И группа отступила.

* * *

В 1952 году я, тогда учившийся в Карагандинском горном техникуме, приехал к отцу вместе с однокурсником-москвичом (сегодня это известный поэт Наум Коржавин). Оба очень разные, они быстро нашли общий язык. Однокурснику так запомнился отец, что через много десятилетий он написал о нём в двухтомнике воспоминаний «В соблазнах кровавой эпохи», получившем в 2006 году в Москве литературную премию.

* * *

Где-то в 50-60-х годах поползли слухи — кто-то из наших немцев уехал в Германию. Многие в это не верили, считали пустым разговором. Рассказывая мне об этом, отец сказал, что он бы в Германию не поехал. На лесоповале в трудармии им приходилось работать рядом с немцами-военнопленными, которые, услышав их поволжский говор, просто закатывались от смеха.

— Я не хочу жить там, где надо мной будут смеяться, — сказал он.

Таким гордым он был и в жизни.

* * *

В шестидесятые годы отец ушел на пенсию. Но и на пенсии он не сидел без дела, зарабатывал тем, что покупал запущенный, но ещё крепкий дом, своими руками ремонтировал, отделывал «как игрушку» (слова отца) и продавал уже по более высокой цене. И так было несколько раз. Когда здоровье стало уже не то, решил перебраться в

более тёплые края. Побывал в нескольких местах, в Киргизии ему не подошёл климат, в степной Крым не пустили как немца, и он осел в городке Смела (Украина).

Отцу досталось лихое время – мировые войны, революция, многолетние репрессии. Сиротское детство оставило без образования, в графе «специальность» у него стояло – «завхоз». Но это не сломало его, он овладел многими профессиями, много работал и с достоинством выходил из трудностей, выпадавших на его долю.

Немец, трудолюбивый и упорный в достижении цели, российский немец, предков которого пригласила в Россию Екатерина Вторая, поволжский немец из Маркштадта, мой отец Иван Давыдович Ридель, Johann Riedel (02.12.1906 — 01.03.1985).

МАМУ УВЕЗЛИ

Мобилизацию в трудармию проводили почему-то всегда в начале года. После Нового 1943-го тоже объявили мобилизацию. На этот раз забирали женщин-немок, не имевших детей, и девушек 15-16 лет. После мы узнали, что в эту волну попала и мамина младшая сестра, которая тоже находилась где-то здесь, в Сибири. Её увезли в Заполярье, в Туруханск.

Все думали, что отправка в трудармию на этом закончится. Но через месяц объявили ещё одну мобилизацию. На этот раз забирали женщин, дети которых были старше трёх лет. Но куда девать этих детей «старше трёх лет», остающихся без матерей? Некоторые могли передать детей родственникам, а когда родственников поблизости не было, приходилось отдавать их в чужие семьи или просто оставлять по месту проживания. Отказаться от мобилизации из-за детей женщины не могли – это объявлялось дезертирством.

Мне было десять лет, и маме тоже принесли повестку. Родных у нас здесь не было, а пристроить меня куда-нибудь мама не успела – всех мобилизованных вскорости отправили в район. И маме пришлось оставить меня на ферме, в избушке над колхозной картошкой, в которой мы с ней жили.

Маму увезли, но в то, что она уехала на совсем, мне не верилось. Я уже оставался один – когда мама отвозила на станцию зерно, но прежде она всегда возвращалась. Мне и теперь казалось, что она вернётся.

После её отъезда я посылался по деревне, покатался с ребятами с горки и к вечеру вернулся в избушку. Растопил печку, разогрел ужин, который оставила мне мама, поел и

лёг спать. Но сна не было – только теперь, в тёмной избушке, я вдруг почувствовал, что остался один. И что дальше делать – я не знал.

Дверь избушки вдруг открылась, и вместе с клубами мороза вошла мама. Я бросился к ней:

— Ура!! Ты вернулась!

— Я не насовсем, скоро опять уеду.

Утром сбежались женщины, работавшие на ферме. И мама рассказала, что произошло в Тюхтете.

Когда их привезли в Тюхтет, у здания военкомата уже стояла толпа мобилизованных женщин, собранных со всего района. Некоторые, несмотря на запрет, привезли с собой малышей. Стоял крик и плач, слышны были окрики охраны.

Женщины с детьми умоляли разрешить им взять их с собой, обещая кормить из своего пайка. Охранники с руганью оттаскивали детей от матерей, но куда их девать, особенно совсем маленьких, не знали. Дети вырывались и с рёвом возвращались к матерям. Наконец, ничего не добившись, начальник военкомата отправил женщин по домам, пообещав собрать их позднее.

Через неделю женщин снова вызвали в район, но теперь только тех, у кого дети были старше семи лет.

Ридель Эмилия Адамовна на поселении
в Бурят-Монголии (Бурятия), 1947 г.

На этот раз у мамы было больше времени на то, чтобы куда-нибудь меня пристроить. Помогло ей и то, что у меня было хорошее «приданое» – три мешка пшеницы, которые мы получили на трудодни за выпас свиного стада. Время было голодное, и без такого «приданого» кому бы я – лишний рот – был нужен? Мама металась по деревне, и в конце концов ей удалось договориться с одной из местных – та согласилась взять меня к себе.

В день отъезда мама привела меня в избу, где мне предстояло жить (мешки с зерном привезли ещё раньше). Хозяйку избы звали тётя Надя, у неё были две дочери моего примерно возраста.

Мама познакомила меня с тётей Надей, передала ей мои документы и стала прощаться. Мы вышли её провожать. Обняв и поцеловав меня, мама с плачем пошла к саням, ожидавшим её вдалеке. До сих пор стоит перед глазами морозный солнечный день, долго-долго уходит от меня плачущая мама, и её голубое городское пальто ярко выделяется на белом снегу.

Маму отправили на лесоповал в Бурят-Монголию (теперь это Бурятия), куда-то недалеко от китайской границы.

На третий день приехала мамина знакомая (мама недавно спасла её от беды) и увезла меня в Тюхтет. Через несколько месяцев она сдала меня в детский дом, который был создан на базе школы глухонемых.

Из Сибири меня забросило на Урал (детский приёмник, ещё один детский дом), затем – в Казахстан. С мамой я встретился только через десять лет – в 1953 году её под конвоем привезли в Караганду «на соединение» с сыном. Мне шёл двадцать первый год...